

Общественный порядок и политическая идеология либерализма

Текст, который я хочу предложить вашему вниманию, уже воспроизводился, так или иначе, с ним знакомы и некоторые участники нашей сегодняшней дискуссии. Имея в своем распоряжении ограниченное время, я все же попытаюсь развить довольно целостную картину своей концепции относительно политической идеологии либерализма, а желающих более подробно ознакомиться с ней отсылаю к третьему номеру журнала "Полис" за 1994 г., где опубликована моя статья под названием "Либерализм против хаоса".

Я полагаю, что далеко не случайно, что эта сессия настоящего симпозиума открывается докладами прежде всего по либеральной идеологии. Если мы ставим вопрос: "Куда идет Россия?", нам необходимо разобраться и с тем, что такое либерализм, и виноваты ли либеральная идеология, либеральный проект преобразований в произошедшем у нас в последние несколько лет, или к либерализму все, что происходило в России, имеет достаточно косвенное отношение, а может быть, в главных своих чертах, и не имеет отношения вовсе. В этой связи я хочу предложить вашему вниманию свой основной тезис, состоящий в том, что, как и все политические, политико-идеологические течения, либеральная политическая идеология противостоит вовсе не тоталитаризму, не каким-то концепциям коммунальности, а, как и все остальные концепции, противостоит хаосу. Либерализм, таким образом, одна из форм снятия социального

хаоса. На мой взгляд, политические идеологии в истории вообще не противостоят друг другу или противостоят только косвенно, как бы конкурируя между собой. Вопрос в том, какая модель или какая политическая идеология лучше снимает проблему политического хаоса или, как я называю в своих работах, проблему нового варварства. Любая хаотизирующая же модель в стабильном обществе никакого отношения к либерализму, безусловно, не имеет. Либерализм исторически появляется тогда, когда общество сталкивается с проблемой нового варварства и социального хаоса, а остальные концепции (государственническая, тоталитарная и т.д.) оказываются уже отработанными, т.е. сами становятся деструктуризирующими, хаотизирующими. Возникновение протолиберальной политической идеологии я, конечно, очень условно, отношу к античности.

Вспомним о полемике Аристотеля с Платоном. Платон во имя установления тотального государственного порядка предлагал тоталитарную, протототалитарную, скажем так, модель, характеризующуюся жестким контролем со стороны государственной власти, отсутствием частной собственности и т.д. Знаменитая фраза его ученика Аристотеля: "Платон друг, но истина дороже" как раз и связана с этой полемикой. Аристотель считал иллюзией устойчивость платоновского идеального государства. Напротив, указывал он, такое государство будет максимально неустойчивым.

Тоталитарное государство оказывается колоссом на глиняных ногах, и любые деструктивные явления на верху общественной пирамиды приводят к тотальному общественному коллапсу. Варварство, по Аристотелю (в отличие от Платона), идет не только снизу, от варваров, как таковых, оно исходит непосредственно от государственной власти, от олигархии: для содержания бюрократии приходится облагать дополнительными налогами податное население, что приводит к социальной хаотизации, ибо уничтожаются основные производительные силы общества. Значит, полагает Аристотель, нужно обезопасить социум от правящих верхов. Исходя из этого, он формирует идею золотой середины, того, что потом будет названо "средним сословием" и "гражданским обществом".

Надо сказать, что цепочка рассуждений по поводу вопроса, откуда идет варварство снизу, от черни, или от самой государственной власти, встречается в самых неожиданных местах. Я ее, например, как это ни странно, встретил в текстах Макиавелли. Как известно, в первом своем трактате "Государь" снятие хаоса Макиавелли связывал с персоной верховного правителя. Но во втором своем трактате, связанном с Титом Ливием, он делает для себя достаточно неприятное открытие: именно государственной власти свойственна главная дестабилизирующая функция, и, следовательно, чтобы общество было более устойчивым, ему надо придать некоторый демократический механизм. Ход мысли Макиавелли вполне понятен, и он отнюдь не свидетельствует о беспринципности автора, а напротив, он говорит о его поразительной принципиальности. Как, за счет чего снимать хаос? Если хаос идет снизу — значит, за счет тоталитарной власти. Если же хаос идет сверху, то для выживания социума, для его устойчивости надо переводить стабилизирующие факторы вниз, на гражданское общество, на его самоорганизацию, и т.д.

То же самое можно отнести и к России. В последнее время я занялся реформами Петра I и подробно проанализировал отношение русской литературы к понятию "Медного всадника". По Пушкину, стихия разбушевавшейся Невы как символ разгрома индивидуального своеволия и вообще стихии и хаоса может сниматься только сверху. Личность, бедный этот Евгений, не может противостоять хаосу. Но уже у Андрея Белого в "Петербурге" именно сверху, от этого Медного всадника исходит главный хаос.

Итак, в начале XX в. русская мысль приходит к пониманию того, что раньше казавшееся ей снимающим хаос в действительности порождает его, следовательно, надо искать новые стабилизаторы, в том числе и в низу общественной пирамиды. Трагическая ситуация для общества складывается тогда, когда не проходит стабилизация ни сверху, ни снизу (по Аристотелю, позднему Макиавелли, Андрею Белому), когда низы не готовы перехватить стабилизирующие

функции у верхов. Как мне кажется, либерализм рождается именно в этой ситуации войны всех против всех, когда частное, индивидуальное, приватное пространство человеческой личности начинает рассматриваться в качестве главного стабилизатора гражданского общества, средства снятия хаоса. Хаос идет сверху — вот констатация истинного либерализма. (Социализм в какой-то степени был ответом на признание, что хаос идет от правящих классов и что надо перенести стабилизаторы вниз.) Либерализм, на мой взгляд, на Западе как политическая идеология сейчас доминирует, все остальное происходит внутри либеральных правил игры.

Я думаю, что зарождение либерализма именно на Западе вполне понятно. Я его отношу ко временам английской буржуазной революции, к ответу Локка на вопрос Гоббса, как снять войну всех против всех. Как известно, в английской политической мысли было предложено три варианта: один — реставраторский, Роберта Филмора, теоретика королевской власти (если сегодня плохо и хаос, а вчера был порядок, значит, надо вернуться во вчера; абсолютная монархия, полубожественный помазанник, полнейшее подчинение ему через реанимацию традиционных ценностей и т.д.); второй вариант, на мой взгляд, вариант самого Гоббса, т.е. левиафановский, я его сейчас оставляю в стороне, он достаточно сложен для анализа; и третий вариант — Локка (он снимает ту же самую проблему — как нейтрализовать социальный хаос — и предлагает сделать это по-либеральному — ограничить социальный произвол, идущий сверху, ограничить войну всех против всех, во всем социуме — через доверие к человеку, через защиту его приватных пространств законом, через защиту собственности и т.д. Это означает снятие хаоса путем культивирования, в известной степени, насаждения и защиты либеральных ценностей личности, но не любого индивида).

Мой следующий тезис, как мне представляется, очень важен и весьма актуален для современной общественной ситуации в России. Проблема либерализма заключается в следующем: необходимо иметь предварительные гарантии, что отщепляющийся от коммуналного, так сказать, коллективного тела индивид является личностью, а не просто индивидом. Хаотически потребляющий "индивид вообще" является субъектом социального хаоса, а либерализм — учение, стремящееся к снятию социального хаоса, и в этом смысле главного своего оппонента он видит именно в разнузданшемся индивиде (по Георгию Федотову, воля, а не свобода — вот что такое потребительский и распределительный хаос, причем это своеволие может существовать как внизу, в виде пугачевского разгула, так и наверху, в виде сумасбродства Ивана Грозного).

Так вот, если говорить о России, то либерализм, имея некоторый шанс на победу в прошлом веке и, наверное, уже более значительный шанс в начале нынешнего века, проиграл, условно говоря, монархизму или тоталитаризму в способности нейтрализовать социальный хаос. То, что Пушкиным было констатировано в начале прошлого века, думаю, вполне приложимо и к ситуации начала нынешнего. Мне кажется, что Россия сейчас имеет очередной шанс для реализации либерального проекта. Я думаю, что хаос сейчас исходит в России сверху, а не снизу,

причем эта хаотизирующая потенция верховного руководства парадоксальным образом проявила себя за годы так называемой перестройки. То, что у нас произошло, к истинному либерализму никакого отношения не имеет, поскольку, повторяю, либерализм снимает проблему хаоса, а не порождает ее. Либерализм, в известной степени, избыточен и не нужен, если ситуация стабильна. Не зря в конструкциях архаических обществ и даже обществ, уже вступивших в стадию цивилизации, но достаточно тотально государственно устроенных, индивид вообще всегда рассматривается со знаком минус, потому что в корпоративных распределительных обществах всякий отщепившийся от общества может стать только хаотом, а не либералом. В тех случаях, когда социальный хаос идет сверху, гарантом от него может быть только общество, построенное на индивидуальных, личностных ценностях. Мне кажется, что в настоящее время для нас либеральный проект стал гораздо более актуальным, чем даже несколько лет назад, потому что исчезла иллюзия, что государство способно снять проблему социального хаоса (у некоторых эта иллюзия еще сохранилась). Либо мы решим проблему установления социального порядка через либеральный проект, либо получим тотальный беспорядок, будем свидетелями попыток возвращения к старой социальности, но попыток еще более деструктивных, чем прежде.

События 1991 г. показывают со всей очевидностью: тот, кто хочет как можно больше и жестче собрать сверху, становится главным хаотизатором в этой стране. Это значит, что все остальные варианты поддержания общественного порядка в стране уже отработаны, Россия попала в ситуацию войны всех против всех. Императив решения проблемы социального порядка — в варианте Локка. Все остальные варианты (реставрационно-охранительский, левиафановский — Гоббса) уже отработаны. Мы либо решим проблему социального порядка по-либеральному, либо вообще ее не решим. Я вовсе не настаиваю на тотальном характере либерального проекта, не говорю, что надо все распустить и собирать по-новому. Если что-то еще держится — это хорошо. Более того, я бы отошел в сторону, если бы у нас можно было сейчас собрать государство по-тоталитарному, хотя это мне и не нравится. Я считаю, что потенции государственнической сборки, в том числе и федеральной ситуации, и контроля над социальностью в самом широком смысле, уже выработаны, нас не сможет сплотить сейчас никакая тотальная идеология, никакой приказ из Центра. В этой связи я хотел бы предложить на обсуждение нашего заседания следующую проблематику: как, за счет какой политической идеологии мы будем снимать ситуацию социального хаоса? Одной из наиболее перспективных является та либеральная политическая идеология, которой, на мой взгляд, еще у нас не было, — я не могу идентифицировать сейчас ни одну политическую группировку как истинно либеральную, поскольку практически никто из претендующих на самоназвание либералов не учитывает того фундаментального обстоятельства, что главный оппонент либеральной идеологии — социальный хаос.

Общее впечатление в этой области странное: толчение воды в ступе. Ясных идей, пожалуй, лишь две: 1) либерализм — это противодействие хаосу через организацию снизу; 2) либерализма в России нет, но у него есть некоторые шансы. Небогато.